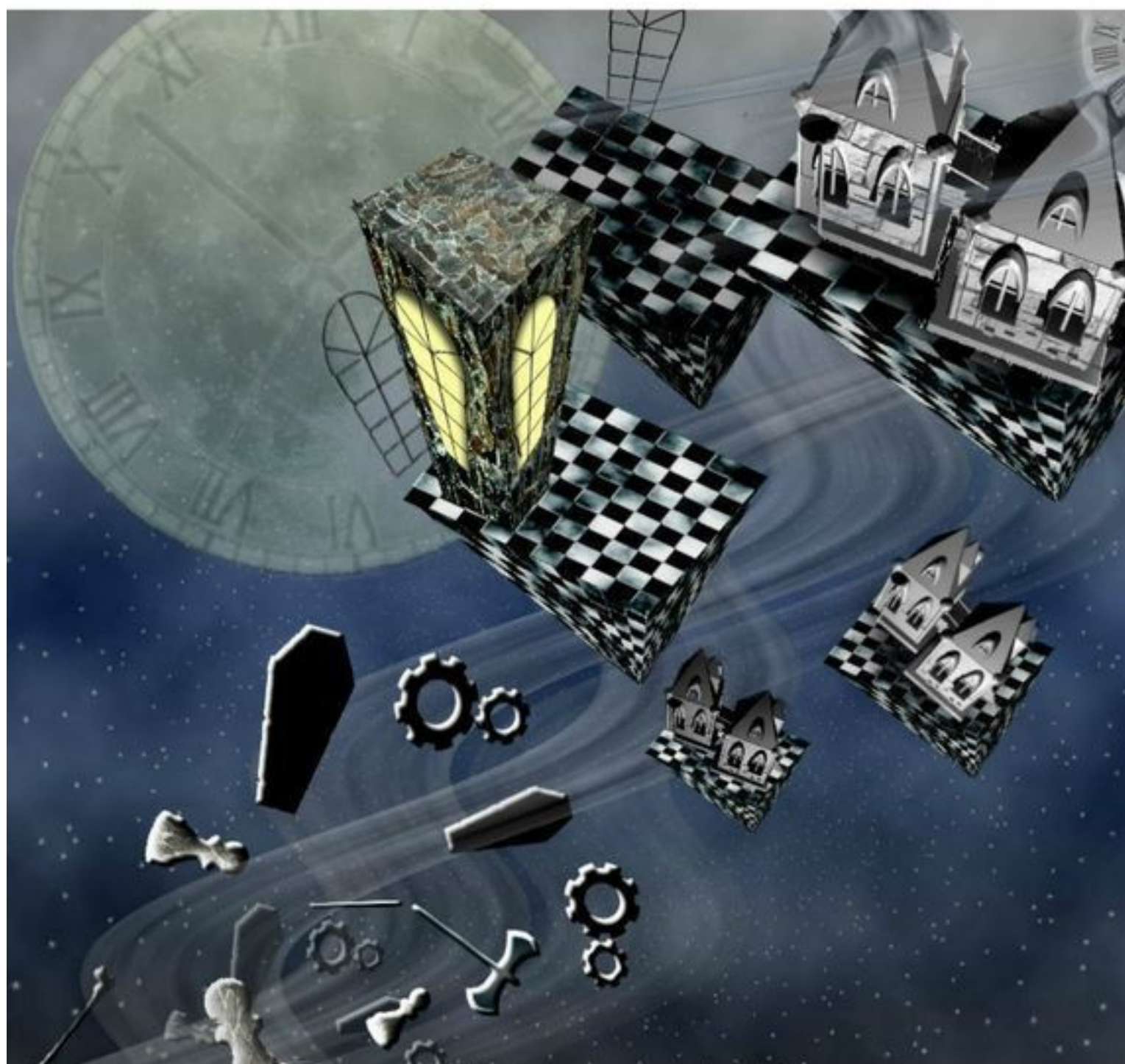

Мария Фомальгаут
Несотворенный мир

Мария Фомальгаут
Несотворенный мир

«Издательские решения»

2015

Фомальгаут М.

Несотворенный мир / М. Фомальгаут — «Издательские решения», 2015

Этот мир стоял здесь со времен своего сотворения. То есть, он не стоял, а летел в пустоте, на невидимой привязи вокруг Солнца. Мир был очень старым – намного старше, чем все его обитатели, никто из них уже не помнил, как создавался мир. У жителей не осталось даже достоверных сведений – только легенды и слухи, которые чем дальше, тем больше обрастали новыми легендами и слухами.

Содержание

Несотворенный мир	6
Молчит океан	37
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Несотворенный мир

Мария Фомальгаут

© Мария Фомальгаут, 2015

© Мария Владимировна Фомальгаут, иллюстрации, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero.ru

Несотворенный мир

Пролог первый

Было бы проще, если бы мне было больно.

Но мне не больно.

И даже не страшно. Они умеют притуплять страх, они препарировали мои эмоции, они вскрыли мою память – безжалостно, беспощадно, жестко, наплевав на все международные конвенции и договора.

Уже не пытаюсь защитить свою память. Знаю – не уберегу, не прикрою. Все равно разломают, все равно заглянут в самую глубину.

Я хватался за остатки сознания. Я смотрел на человека за пультом, я заставлял себя вспомнить, как его зовут, даром, что я не знал, как его зовут, а нет, генерал называл его при мне, он называл его Тук, Тук, Тук, так падают яблоки по осени, когда я последний раз видел яблоки, не знаю, вечность прошла, тук, тук, тук, так надо постучать в дверь, чтобы открыли. Чтобы открыть память, надо постучать в неё, а не взламывать – сильно, беспощадно, безжалостно, молоком, тук, тук, тук.

Сознание разрывалось на мелкие кусочки, на осколки, сознание растворялось в памяти, я пытался ухватиться за память, чтобы не потерять самого себя. И не мог. Мне подворачивалось что-то неуместное, из детства, какие-то первые воспоминания, школьные годы чудесные, а Илюха, идиотище, айфон в школу принес, а у меня айфона нет, и никогда не будет, пот ому что денег нет, отец говорит – учись-учись-учись, и будут деньги, а сам он всю жизнь учился-учился, и где теперь его деньги, спрашивается...

Они дернули меня за память, больно, сильно, я еле удержал воспоминание. Я вспоминал, как Илюха, идиотище, держит айфон, я тяну шею, хочу увидеть, что там, что там, что там, мальчишки отталкивают, Илюха кивает своим вассалам, гоните его на хрен, он еще разобьет. Понимаю, что мне здесь не место, и никогда в илюхиной компании мне будет не место, потому что у Илюхи отец... а у меня отец... сейчас уже не помню, кто был отец Илюхи, и кто у меня, да это и неважно.

Говорю – чтобы показать, что тоже не лыком шит, что я тоже кое-что стою, говорю, чтобы привлечь внимание.

– А я... а у меня билет в космос есть!

Илюха оборачивается, смотрит на меня. Первый раз в жизни Илюха смотрит на меня.

– А ну покажи.

– А дома лежит.

– А принеси.

Хочу сказать, что принесу, обязательно принесу, да что принесу, Илюху в гости приведу, пусть посмотрит, – и тут же спохватываюсь.

– А папа велел никому не копазы... – волнуясь, путаю слова – не запокы... не по-казы-вать...

– Врет он все, нет никакого билета! – орет кто-то из Илюхиных вассалов.

– А за вранье знаешь, чего полагается?

Я знаю, что полагается за вранье. И надо бежать, и не бежится, Илюхин кулак обрушивается на мою переносицу...

Кусочек памяти оборвался, выпал еще один кусочек, тоже ободранный, сильно потрепанный:

Обозначаю гипотенузу через а, два катета – через бэ и вэ.

Нет.

Не поймут.

Помечаю гипотенузу одной черточкой, первый катет – двумя, второй – тремя.

А вот дальше как прикажете объяснять, что такое квадрат, циферку два здесь не поймут...

– Вы еще долго мне будете гипотенузы писать?

– А... откуда вы русский язык знаете?

– Уберите это, уберите... меня в школе этим умучали... и вы еще тут...

Смущено молчу.

– А у меня сахар есть, – говорит он, – вы едите сахар?

– Ем.

Стараюсь не вспоминать, что сахар – белая смерть, стараюсь забыть все запреты не грызть сахар, вытряхиваю из памяти суетливых родителей, да что ты сахар грызешь, вон, печеньку возьми...

Нет здесь печенек.

Нет...

Они снова потянули мою память, сильно, резко, кто же так память тянет, её бережно тянуть надо, чтобы не разорвать. Память запутывается сама в себе, я отключаюсь.

Пролог второй

Барракуда большая

Сфирена мелкочешуйчатая

Лаврак

Сарган

Луфарь-гумбар

Я смотрел на бесконечно длинный перечень. Если бы у меня была голова, я бы схватился за голову.

Не то, все не то.

Впрочем, я забегаю вперед – очень и очень сильно. Если начинать эту историю с самого начала, то...

Начало

Этот мир стоял здесь со времен своего сотворения. То есть, он не стоял, а летел в пустоте, на невидимой привязи вокруг Солнца. Мир был очень старым – намного старше, чем все его обитатели, никто из них уже не помнил, как создавался мир. У жителей не осталось даже достоверных сведений – только легенды и слухи, которые чем дальше, тем больше обрастали новыми легендами и слухами.

Когда этот мир только создавали, его создатели недодали ему много того, что нужно было добавить миру. Например, еще при строительстве разворовали все добро, оставив совсем чуть-чуть. Милосердие тоже было нечастым гостем в этом мире – редко-редко воин подносил флягу с водой к пересохшим губам своего врага. Еще большей редкостью в получившемся мире было знание – раз в сотни лет людям открывалось что-то действительно стоящее, какой-то ответ на мучившие людей вопросы – да и то такой ответ, который порождал еще больше вопросов. О более сложных вещах – абсолютной истине, истинном знании, совершенной красоте – в этом мире не знали совсем, потому что строители разворовали эти ценности подчи-

стую. В общем, этот мир был построен как множество других миров, выстроенных до принятия закона «Не укради», согласно которому за кражу полагалось небытие.

Несмотря на нехватки того и этого, мир когда-то, возможно, был очень хорош, но поистрепался за века и миллионы лет. Ось планеты сдвинулась из-за столкновения с каким-то небесным телом, отчего теплый климат сменился холодами и снегами. На смену цветущим лесам пришли снега и пустыни, величественные ящеры сменились мелкими мохнатыми зверьками, которые постепенно сбросили шерсть и заполонили всю землю собой. На зеленых лужайках выросли дымные фабрики. Все это было неудивительно – мир с самого начала был обречен простоять не так долго, и теперь доживал свои последние тысячелетия. Штукатурка с фасада осыпалась, перекрытия пообветшали, окна покосились, двери жалобно скулили, когда кто-нибудь их открывал, половицы по ночам скрипели. За века и века мир оброс воспоминаниями, легендами, слухами, история мира была переписана такое бесчисленное число раз, что уже никто и не помнил, какая она была – история, и была ли вообще. По ночам в мире бродили неуспокоенные души и несбывшиеся надежды – верные признаки того, что мир бесконечно стар.

Жильцы мира... впрочем, трудно назвать их жильцами, потому что никто их не заселял специально, никто не вывешивал на мире табличку «Сдается в аренду, продажа квартир» – и длинющий номер телефона. Так получилось, что когда мир был построен, про него все как будто забыли: и строители, и заказчик, если таковой вообще был. Ходят слухи, что мир так и не был достроен – может, у заказчика кончились деньги, а может, он убедился, что получилось совсем не то, что он хотел. Так тоже бывает, и намного чаще, чем мы думаем.

Вот таким был мир, в котором я начал свой жизненный путь. В детстве я не видел, как устроены другие миры, но почему-то считал свое место обитания худшим из миров – как и семь миллиардов моих соотечественников. И я, как и все мальчишки в моем мире мечтал, что попаду в какую-нибудь лучшую страну, где все будет по-другому...

Хотя нет.

Эту историю надо начать совсем не так.

Её нужно начать, например, с того момента, как я вообще решил написать эту историю. Это случилось когда я спустя века и века приехал на руины своего мира, где прошла моя юность. Водитель флаера, должно быть, принял меня за сумасшедшего – не каждый день попадают такие типы, которые просят отвезти их в заброшенное измерение. Он даже несколько раз переспросил адрес – да точно ли я хочу туда, может, перепутал улицу или район.

– Нет, добрый господин, я ничего не перепутал. Я действительно хочу попасть туда.

Водитель равнодушно вел флаер по улицам среди миров и галактик. Должно быть, он решил, что я и правда сумасшедший. Он даже попросил с меня оплату вперед, видно, побоялся, что я убегу, или вообще наброшусь на него с кулаками.

Итак, в то утро в половине одиннадцатого я стоял возле того, что было моим миром, то есть, конечно, не моим миром, а миром, в котором я жил. С тех самых пор от мира мало, что осталось, да собственно, ничего не осталось. Я увидел проржавленные каркасы и одну стену, причем я даже не мог вспомнить, что это была за стена – Великая Китайская Стена или что-то другое. Солнце превратилось в красный карлик, отгорело своё и погасло, уцелевшие планеты вращались застывшими ледяными глыбами. Я напрасно искал хоть обшарпанную колонну, хоть истлевший остов, хоть золотые пластины с записанными текстами – мир не оставил после себя совсем ничего, как будто стеснялся своего существования. Это было тем более странно, что в былые времена люди буквально бредили мечтами, что они оставят после себя. Хотя, быть может, на закате веков человечество и правда пыталось возвести что-то вроде Вавилонской башни в память о себе – но время не пощадило наши попытки обессмертить свои имена.

Время...

Я прикинул, сколько времени прошло с тех пор, когда я покинул Землю – и мне стало страшно.

Чуть погодя я увидел на мире табличку, что мир подлежит сносу – что тоже было неудивительно. Более того, мне стало странно, почему мир решили снести только сейчас. Чуть поодаль возились рабочие, возводили что-то новое, грандиозное, современно-блестящее, и я был уверен, что здесь никому и в голову не придет красть добро или истину.

– Осторожно, добрый господин, – сказал кто-то из рабочих, – ходите себе по старому миру, а мир может рухнуть.

Я возразил:

– Этот мир давно уже рухнул.

– Ну да, тоже верно. Стоит развалюха, давно бы уже тут чего построили...

Меня передернуло. Не то, чтобы я сильно любил мир, в котором родился и вырос, но... да, любил. Несмотря на все, что творилось в этом мире – я любил его. И сейчас, глядя как новостройки подбираются к остаткам моего мира, мне становилось не по себе.

– Кто такую рухлядь строил, – не унимался рабочий, – здесь же жить было... невозможно.

– Но ведь жили же, – возразил я.

– Тю-ю, вы в эти сказки не верьте, добрый господин, вот что я вам скажу. Нельзя было жить в таком мире, его и не достроили толком, заказчик-то помер, вот и не достроили.

– Помер?

– Ну а то. Он на старости лет денег накопил, хотел мир построить. Половину суммы выплатил, тут что-то делать начали, а заказчик возьми и помри.

– Мне стало не по себе. Первый раз я слышал про того, кто хотел создать наш мир. Все наши домыслы, легенды, мифы, изыскания меркли перед открывшейся мне правдой.

– А где он жил... заказчик?

– Кто ж его знает, где он жил, такое рабочим знать не положено.

– А если подумать? – я достал карточку, помахал условными единицами.

– Да хоть задумайся, не знаю я... не велено рабочим такое знать. Сам бы в глаза ему посмотрел, кто ж такую рухлядь заказывает... Это отец мой строил, ух он этого заказчика костерил...

– Не достроили этот мир?

– Да кто ж его достроит, если деньги-то за мир не плочены! Так и остался он... ветшает... ржавеет... здесь вот ось была – рабочий ткнул в сторону остатков земной оси, – тут вот крыльцо...

Спине стало холодно-холодно, во рту пересохло.

– А... каким должен был быть построенный мир? По чертежам... по замыслу?

– Да говорю вам, заказчик-то помер... – рабочий взмахнул крыльями.

– Ну, помер и помер, а чертежи-то он передавал, как строить?

– Ну вот, частично передал... что получили от него, по тому выстроили... а потом помер... так мир недостроенный и остался.

Любой другой на моем месте заскрежетал бы зубами с досады. Но только не я, сын своего мира – мы уже слишком привыкли получать не знания, а крохотные кусочки знаний, половина из которых оказывались ложными.

– А сколько стоит этот участок? – спросил я, показывая на то, что было моим миром.

– Да вон, у хозяина спросите... он это пространство выкупил, теперь по участкам продает...

Хозяин оказался на редкость сговорчивым, – он не только не отказался продать мне участок, но и усердно расхваливал старый мир, буквально умоляя его купить. Поторговавшись для приличия, я за смехотворную сумму купил то, что было когда-то солнечной системой.

– Если добрый господин пожелает, я тотчас же прикажу снести старый мир, – сказал хозяин.

– Нет-нет, что вы, не стоит.

– Я сделаю это для вас совершенно бесплатно, не беспокойтесь.

– Вы не поняли. Я хочу сохранить его.

– Добрый господин, из этих руин уже нельзя сделать ничего стоящего.

Я посмотрел на него пристально.

– Я. Хочу. Оставить. Все. Как. Есть.

Он окончательно убедился, что имеет дело с психом, вежливо простился со мной и намекнул, что я могу обратиться в любой момент, когда захочу.

Итак, я оказался обладателем мира, который был никому не нужен, да и мне не нужен, собственно говоря. Я поднялся на крыльцо – дверь открывать не пришлось, потому что от двери остался крохотный кусочек. Внутри мира поднималась столетняя пыль, кое-где лежал запыленный снег, а океаны промерзли до самого дна. Как я и ожидал, от человечества не осталось никаких следов – по крайней мере, на поверхности планеты. Я вспомнил, что есть какие-то приборы, позволяющие видеть под землей – и решил, что неплохо было бы обзавестись таким, может, тогда я найду хотя бы бочку с радиоактивными отходами или что-нибудь в этом роде.

Собственно, я сам не знал, что собираюсь делать с этим миром. О том, чтобы восстановить и возродить его, не могло быть и речи. Перекрытия прогнили и рассыпались, при попытке подправить мир он бы рассыпался в прах. Да и чем заменить отгоревшее Солнце, я не знал. Мир умер – давно и безнадежно, и рабочие недвусмысленно предупредили меня, что он может рухнуть в любой момент.

И все-таки что-то нужно было мне от заброшенного мира, что-то не давало мне покоя. Я ходил по комнатам, поднимался по лестницам, проходил анфилады и балюстрады, даже вкарабкался на чердак. Ближе к вечеру мне удалось обнаружить признаки того, что люди все-таки жили в этом мире, человечество существовало, оно не приснилось, не прибределось мне. Я нашел едва уцелевшие остатки бункера, в дальней комнате которого лежали, прижавшись друг к другу, два истлевших скелета. Я так и не понял, были ли это мужчина и женщина, охваченные страстью, или просто два человека, которые обнялись, чтобы согреться. Они мало чем напоминали людей – таких людей, какими я их помнил. Крохотные головы, длинные пальцы, хитроумное переплетение костей и истлевших остатков чего-то электронного – я так и не понял, были ли это новейшие гаджеты или неотъемлемая часть самих людей. Сначала я хотел вырыть могилу и похоронить останки, но потом решил, что бункер и так отлично подходит на роль могилы.

Ближе к вечеру я выбрал среди пустых комнат одну более-менее приличную комнатенку, вычистил оттуда весь сор и развел огонь в камине. Я спрашивал себя, что я, собственно, здесь ищу. И что я, собственно, собираюсь найти...

Ну да.

Только сейчас я вспомнил, что меня подтолкнуло к приезду сюда.

С чего все началось.

И с чего я, собственно, должен был начать эту историю.

– Это что... что это такое, я вас спрашиваю?

Я стоял в гостиничном номере и показывал на кровать. У меня в голове не укладывалось, как это могло появиться здесь, на краю вселенной, в маленькой комнатенке, которую я снял на ночь.

– Прошу прощения, добрый господин, – сигнальные лампы слуги замигали часто-часто, – сию минуту уберу.

Я откашлялся.

– Я вас не прошу ничего убирать. Я спрашиваю вас, откуда это взялось?

– Сию минуту... сию минуту... уберу, – бормотал слуга.

Я понял, что от слуги ничего не добиться. Совсем. Еще подумал потихоньку, по какому критерию нанимают людей в гостиницы – наверное, главный принцип, это полное отсутствие мозгов.

– Позовите управляющего, – потребовал я.

– Мне очень жаль... мне очень-очень жаль... – бормотал слуга.

– Мне тоже очень жаль. Позовите управляющего.

– Быть может... возможно решить вопрос? – слуга умоляюще посмотрел на меня.

– Невозможно. Позовите управляющего!

– Сию минуту... пройдемте... к нему...

Я пошел за слугой по коридорам и анфиладам гостиницы. Отель больше напоминал какую-то бредовую, причудливую фантазмагорию, безумное нагромождение залов, лестниц, арок, колонн, порталов и измерений. Да и то сказать, отель был рассчитан на самую разношерстную публику – от материальных тел из плоти и крови до ментальных существ, о которых никто ничего не знал.

– Вот сюда, пожалуйста, добрый господин.

– Где же управляющий? – спросил я, входя в пустую комнату.

И тут же мне стало неловко за свою оплошность. Управляющим оказался компьютер, и мне оставалось только надеяться, что это все-таки не совсем компьютер, а чье-то сознание, перемещенное на диск.

– Чем я могу быть вам полезен?

– Я... гхм... я нашел в спальне один предмет... должно быть, он остался от предыдущего постояльца.

– Мы приносим свои извинения за доставленные неудобства.

– Нет-нет, что вы, никаких неудобств. Просто... я хочу знать, кому он принадлежал... этот предмет.

– Вы хотите вернуть вещь её владельцу?

– Не совсем... я хочу знать... откуда это.

– Что же... должно быть, оставил кто-то из предыдущих постояльцев.

– Кто? – не отставал я, – кто здесь бы до меня?

Я уже ждал, что он ответит – мы не можем давать такие сведения. И это значило полный провал: я уже понял, что говорю с компьютером, который не откроет мне тайны, как бы я его ни просил об этом и сколько бы ни заплатил. На мое счастье управляющий ответил сразу же:

– Сию минуту посмотрю, добрый господин...

Он начал перебирать данные. Я терпеливо ждал, пока он найдет то, что нужно. Тем сильнее было мое разочарование, когда управляющий сказал:

– Прошу прощения... произошла ошибка.

– Что случилось?

– К сожалению... данные стерты.

– То есть?

– Мне очень жаль... вирус уничтожил все данные. Боюсь, я не смогу их восстановить. Клянусь вам, это беспрецедентный случай, у нас такое впервые...

Лучше бы он этого не говорил. Мне сразу стало не по себе, в голове мелькнула шальная мысль, что кто-то нарочно стер данные, чтобы я не узнал про предыдущего постояльца. Я тут же отогнал от себя подозрения – они не отгонялись, вились вокруг меня...

– Мне очень жаль, добрый господин, – признался управляющий, – ничем не могу помочь.

Я уже и сам понял, что он мне ничем не поможет. Однако, когда я вернулся в номер, меня ждало еще одно разочарование – предмета, так изумившего меня, на столике уже не было. Я снова вызвал слугу – он появился не сразу, похоже, побаивался моего гнева.

– Слушаю вас, добрый господин.

– Где... где эта вещь, которая здесь лежала?

– Это не ваша вещь, добрый господин.

– Я знаю, что это не моя вещь, я спрашиваю – где она?

– Я уничтожил её, добрый господин, чтобы она не мешала вам.

Я еле сдержался, чтобы не нахлопать его хорошенько. Но, в конце концов, слуга был ни в чем не виноват, он делал то, что должен был делать.

В отличие от меня. Потому что я должен был выспаться перед завтрашней конференцией. И черта с два я уснул в эту ночь, перебирал данные в памяти, снова и снова вспоминал предмет, который лежал на столике. Предмет, которого не могло быть, предмет – насмешка над здравым смыслом, привет из прошлого, которое я уже забыл.

Из прошлого, которое было так давно, что уже не верится, что все это происходило со мной. Из мира, который я покинул, как казалось мне, навсегда.

И все-таки он был здесь. Этот предмет. Я вспоминал, как мы тайком собирались с парнями на чердаке, пробовали первый раз, как потом умирали и никак не могли умереть, и молили кого-то о смерти, как потом выворачивало наизнанку, и отец обещал губы отрезать, если еще раз увидит, что мы...

Одного раза мне тогда хватило, я в жизни больше не прикасался к сигаретам.

К сигаретам...

Да.

Здесь, в номере маленькой гостиницы на краю вселенной – на столике лежала сигарета.

Которую мог оставить только человек.

А это могло означать только одно, то, о чем я больше всего мечтал, и то, чего я больше всего боялся.

Я был не единственным выжившим представителем своего рода.

Кранихиды

Иглобрюхие

Кальмары...

Я смотрел на список, который расширялся все больше. У меня хватило ума вычеркнуть из этого списка иглобрюхих и кальмаров, все-таки они были не рыбы.

Да, наверное, надо было начать с сигареты.

Или с Элен.

Хотя нет, с Элен мне не хочется ни начинать, ни ею заканчивать. Элен – это мое, личное, принадлежащее только мне.

Так что с Элен я не начинаю.

Но нужно же, черт возьми, с чего-то начать.

Или, например, вот так:

После того, как мир покинули его последние жильцы, мир оказался предоставлен сам себе. Он пытался было бежать за уехавшими хозяевами по космосу, держа нос по горячему пахучему следу – но вскоре потерял след. Мир вернулся назад, задрал морду в небо и протяжно завыл – но никто не откликнулся на его зов.

За годы и века без людей мир обветшал, у него стала протекать крыша, пуская капли дождя в комнаты, окна запылились, под полом мыши свили гнезда, время, вода и ветер все больше разъедали стены, краска поблекла. Вскоре уже ничего не напоминало о том, что здесь когда-то слышался веселый смех и играла музыка...

Нет.

Это годится для конца истории, а не для начала. Да и вообще, это будет конец не моей истории, а истории мира, а я хочу начать свою историю с того момента, как...

...а с какого момента вообще надо начинать историю?

По классическим канонам надо начинать с того момента, как я родился. Но у представителей моего вида (*Homo sapiens*) есть одна особенность – мы не помним, как мы родились. В это трудно поверить, но сознание приходит к нам не сразу, а лишь спустя какое-то время после рождения. Это связано с особенностями нашего белкового мозга – а как именно связано, я вам объяснить не могу, я сам толком не могу сказать, каким я был тогда.

Поэтому мои сородичи начинали свою историю со своего первого воспоминания. Итак, первое, что я помню – это мой день рождения. Видите ли, у нас был обычай каждый год отмечать тот день, когда человек пришел в этот мир. Итак, мой день рождения, вспомнить бы еще, сколько мне исполнилось... года два. Ну да, наверное, года два. Или три. Неважно. Кто не знает, что такое Год, и что такое Обычай, можете посмотреть в справочниках: я не могу объяснять все подряд, иначе моя книга превратится в энциклопедию. Итак, мой день рождения, я смотрю на мать, думаю, почему она плачет, почему она бьет отца, первый раз вижу, чтобы мать била отца, захлебывается криком, на что мы будем жить, на что мы будем жить...

– Ты на что ребенка кормить будешь!

Ребенок – это я, если кто не понял. Тогда я был ребенком. Потом перестал быть ребенком.

Я смотрю на них, сжимаю в руках подарок. Кто не знает, что такое подарок, тому можно только посочувствовать. Это красивая бумажка, на ней нарисован корабль, летящий к звездам. Мне хочется поскорее вырезать из бумажки корабль и играть с ним, отец говорит – вырезать нельзя. Нельзя так нельзя, думаю я, буду играть так.

– Да ты рехнулся, или как? На развод подам, ребенка не увидишь больше!

Мать бросается ко мне, хочет выхватить бумажку. Прижимаю к себе что есть силы, реву в голос, надоела уже со своими отбираниями, как какую-нибудь мелюзгу к нам в гости притащат, так начинается, они мои игрушки хватают, мать хлопочет, ах-ах-ах, отдай-отдай, уступи-уступи, подари-подари, ты же добрый мальчик...

Бумажку я тогда отвоевал, кажется, вырезал-таки из неё корабль, играл с ним в Эвакуацию, слово тогда было модное – Эвакуация.

Мать зажимала уши, визжала:

– Да достали вы уже со своей эвакуацией, слышать не могу, по телевизору, по радио, задолбали!

А мне нравилось слово Эвакуация, оно было важное, хлесткое, оно таило в себе что-то... что-то...

Итак, бумажку я все-таки испортил. Но это не имело значения, мой регистрационный номер был в списке.

Хотя нет. Из того, что я рассказал, вряд ли кто-то что-то поймет. Думаю, что для начала придется сделать несколько необходимых пояснений, чтобы дорогие читатели лучше поняли, о чем идет речь в моем повествовании. Итак, вкратце расскажу вам о моей жизни до События. Я жил в каменном доме, и не думайте, что я имею в виду измененное пространство: мой дом был построен из бетонных блоков, поставленных один на другой с помощью особых приспособлений. Телепорта у нас в доме не было, но это не значит, что мы жили бедно: в те времена

телепорта не было ни у кого. Мы передвигались по теперешним временам очень странно, сидели все в те же механические приспособления на колесах, которые перевозили нас с места на место. Трудно объяснить непосвященным, что такое колесо. Представьте себе циклоид, надетый на ось, хотя это не самое лучшее сравнение.

Жил я тогда на одном из ярусов большого дома. Если вы, дорогие читатели, представили себе одно из измерений гексеракта, то снова ошиблись: я говорю о трех измерениях, только о трех.

Жил я с отцом и матерью: я не смогу объяснить новому поколению, что это такое. Короче говоря, мы состояли в определенных родственных отношениях, суть которых слишком сложна.

В те времена я ничего не знал о грядущем Событии, потому что прогнозера у нас в доме тоже не было. Опять же не подумайте, что мы были настолько бедны, тогда прогнозеров не было ни у кого. День начинался так: мы выходили из некоего подобия медитации, готовили органическую пищу, чтобы поддержать свои материальные тела. Потом мы расходились, отец и мать шли на работу, я шел получать знания, по большей части ложные, потому что истинные знания в те времена были никому не известны. И не спрашивайте, почему я не брал знания сразу из Источника: в те времена мы не чувствовали Источник, хотя он находился совсем рядом.

Коротко расскажу о мире, в котором я жил: в те времена наша цивилизация занимала только одну планету, такой огромный шар, зависший в пустоте и вращавшийся вокруг другого, огненного шара, звезды, мы называли ее Сан, Зонне, Солнце... Не верьте учебникам, где пишут, что звезда была всего одна, в мире звезд было великое множество, вместе они закручивались в спиральную галактику. Трудно описать нашу вселенную тем, кто появился уже после Большого Коллапса, скажу только, что она состояла из множества галактик.

И уж тем более трудно описать вам, как выглядел человек в те времена. На современных схемах рисуют нечто нелепое, ветвистое, не имеющее с человеком ничего общего. Когда же я встретился с известным светилом современной науки, рассказал ему, как на самом деле выглядел человек, он только поднял меня на смех, сказал, что я верю досужим вымыслам. Однако, мне придется по ходу текста дать некоторые подробности тогдашней человеческой природы, иначе вы не поймете, о чем идет речь.

Повторяю, в те времена я еще ничего не знал о грядущем Событии.

Начну с того отрезка времени, когда звезда осветила ту часть планеты, на которой я жил, отец и мать ушли на работу, а я отправился получать знания. Трудно объяснить, что такое работа в тогдашнем понимании этого слова, в глазах теперешнего поколения она бы показалась бессмысленной. До места, где я получал знания, я передвигался в трех измерениях, по плоскости...

Нет.

Не так.

Все не так.

Я в гневе стер все написанное и снова уставился на чистый лист. То есть, это я образно говорю – чистый лист, разумеется, передо мной был не лист, а файл, который нужно было чем-то заполнить. Выражение лист пошло от наших предков, которые писали палочками на листьях... или не на листьях, а...

Тьфу ты, черт.

Чем дальше зарывался я в историю, которую хотел рассказать, тем меньше понимал, что я хочу сказать, тем глубже погружался в загадки и вопросы умершего мира.

– Огни, мой добрый господин.

– Огни?

– Да, огни. Там. На мертвой земле.

– Быть того не может. Мороки. Миражи.

– Нет, добрый мой господин. Огни.

А Ши настораживается. Это плохо, что огни, да еще и незнамо где. Мало ли что за огни, шуточка ли дело, огни, где огни, там и до беды какой недалеко. Да и мало того, что огни, огни, это полбеды, так огни-то в мертвом мире. Знает старый А Ши, что мертвый мир, сам А Ши умерший мир хоронил, глаза ему закрывал. Был мир, и умер мир, давно уже ничего не светится в мире, а тут на тебе – огни.

– Проверить надо, добрый господин, – говорит прислужник.

– Проверить надо, – соглашается А Ши.

Ох, не хочется А Ши что-то там проверять. А надо. А мало ли. Встает А Ши с отдыха-лица, отряхивается, отфыркивается, летит через черную пустоту космоса.

Это А Ши может.

И точно, чем ближе к мертвому миру приближается, тем четче видит – свет. Тусклый свет, малый свет, такой свет, что отгорит-отгорит свое, и погаснет. Тем страшнее, потому что не может такой огонь сам по себе гореть, кто-то его зажег, а кто кто-то, когда нет никого в пустом мире...

Приближается А Ши.

Страшно А Ши.

А что страшно, разбираться надо, пока беды какой не случилось.

Хочет А Ши в мертвый мир войти, а мертвый мир закрыт.

Так-то.

Ничего, А Ши просочится, да чтобы А Ши куда не просочился, да не бывать этому. Много чего повидал А Ши, вам и не снилось, чего повидал. И как миры рождались, и как мерли миры, и сам миры хоронил, а уж просочиться куда – это А Ши раз плюнуть.

Просочился А Ши.

И прислужник за ним. Так прислужнику велено, куда А Ши, туда и прислужник его.

Смотрит А Ши на мир, который считал мертвым.

И такое там видит, что не в сказке сказать, не пером описать.

Ужас какой.

Такой ужас, что всем ужасам ужас.

Около полуночи я услышал шорох. Не такой шорох, от которого сразу беспокойно вскакиваешь, а такой вкрадчивый шорох, который будто стесняется самого себя, боится меня потревожить. Я бы и не услышал его, если бы спал – но в эту ночь я решил лечь пораньше, хоть немного привести в порядок дом. И шорох ворвался в мои мысли незванным гостем, пробрался в тишину мертвой ночи в мертвом мире.

Мне стало не по себе – не то, чтобы страшно, просто не по себе. Я подумал о бесчисленных легионах душ, воспоминаний, образов, которые обычно роятся в мертвом мире. В моих размышлениях о душах не было ни капли суеверия – люди с давних пор мечтали о бессмертии, пытались оцифровать свое сознание. Первые жертвы таких попыток нет-нет да и попадались в нашем мире – по крайней мере, в былые времена. Возможно, что-то осталось от них и сейчас.

Мне стало интересно. Конечно, вряд ли отжившие свое мыслеобразы могли рассказать что-то об умершем мире – но все-таки надежда была. Я спустился вниз, в залы – шум доно-сился оттуда, – подсвечивая себе факелом. Сам не знаю, почему я не воспользовался более современным освещением – должно быть, во мне проснулась память предков, память начала начал, когда первый из моего рода шел по дикому ночному лесу, подсвечивая себе дорогу при-рученным огнем.

Шорох повторился. Что самое странное – он доносился со стороны чудом уцелев-шего бункера, где лежали два истлевших скелета. Теперь мне стало по-настоящему страшно.

Напрасно говорил я себе, что полурассыпавшиеся трупы не могут встать, напрасно говорил себе, что от своих сородичей мне не придется ждать ничего плохого – страх проснулся во мне.

Темнота снова зашуршала – я шагнул навстречу шороху, подсвечивая факелом.

– Кто здесь? – спросил я, сам испугался своего голоса. И странно, сколько ни пережил я в дальних мирах, чужой среди чужих, но там как-то не было места страху – здесь же, в родном мире, мне сразу стало не по себе.

– Кто здесь? – повторил я.

Два истлевших остова вышли мне навстречу. Что удивительно – мой ужас тут же куда-то улетучился. Я стоял и смотрел на них, тонких, костяных, полупрозрачных, я ждал чего-то, сам не знал, чего. Я уже понимал, что они не просто так встали из своей могилы, а пришли ко мне, чтобы сказать что-то... что-то...

– Что вы хотите? – спросил я.

Должно быть, мой вопрос прозвучал грубовато, поэтому я добавил:

– Рад вас видеть.

– И мы тебя рады видеть, добрый господин.

Точно пелена упала у меня с глаз. То, что я принял за истлевшие остовы, было причудливой конструкцией, поддерживающей конструкцию еще более причудливую. Сейчас я не мог сказать, какая планета породила их, а может, и не планета, а межзвездная среда.

Меня охватило смущение. Я никак не ожидал гостей – тем более, в столь поздний час. Мало того, я совсем не знал, что предложить гостям, что они едят, и едят ли, чем они дышат, о чем думают, глядя на звезды.

– Честное слово, – признался я, – даже не знаю, что вам предложить...

– Хватит и доброго слова, добрый господин.

Я не знал, что это означает – то ли красивый речевой оборот, то ли им и правда нужны были добрые слова. На всякий случай я сказал:

– Никак не думал, что у меня будут такие замечательные соседи.

– Так теперь вы живете здесь, добрый господин?

– Видите ли... я жил здесь раньше... давным-давно. Потом нам пришлось покинуть этот мир... а теперь я вернулся.

Я сжался, ожидая вопроса – зачем. Беда в том, что я сам не знал – зачем я вернулся, что я хочу найти в мире, которого больше нет.

– Здесь давно уже никто не живет, – сказал тот, в чьей памяти я прочитал, что его зовут А Ши.

– Да, вижу... а... вы не видели, куда они... ушли?

– Кто ушел?

– Те... кто жил здесь.

– Они никуда не уходили. Они ушли под землю, потом земля сгорела... а потом замерзла...

Сердце сжалось. Подтвердились мои худшие опасения – никто не выжил на земле, которая была моим миром. Похоже, я и правда, был последним представителем своего рода.

Последним...

Но, черт возьми, кто тогда оставил сигарету... я напрасно пытался сказать себе, что то, что я принял за сигарету, могло оказаться чем-то другим, каким-то прибором, а то и вовсе живым существом. И, тем не менее, в сознании крепла уверенность, что сигарету оставил кто-то из людей.

Когда гости ушли, я вспомнил, что надо бы поспать, хотя бы немного. Но какое там спать, я чувствовал, что всю ночь не сомкну глаз: мир звал, мир манил своими тайнами, которых у него было много, ой, как много...

Мне хотелось метаться по заброшенному миру, распахивать все двери, заглядывать во все щели, сундуки, ящики и шкапулки. Но я понимал, что так ничего не найду, и если я действительно хочу выйти на след своих сородичей, я должен искать их шаг за шагом.

Я решил по-быстрому осмотреть одну комнату. По-быстрому – потому что в ней ничего не было, и её изучение заняло бы несколько минут. Я добросовестно отодрал обои, исследовал растресканный потолок, клочок бумаги на подоконнике – если там что-то и было когда-то, время не пощадило чернила, – и уже хотел уйти с чувством выполненного долга, когда увидел то, чего не замечал раньше.

Надпись на стене.

Надпись была сделана иероглифами, мне неизвестными. Я терпеливо перебирал в памяти земные языки – но ни один из них не подходил к тайным знакам. Ближе к рассвету мне удалось разобрать первую часть слова – южная рыба. Я стал думать, что это за рыба, какая вообще может быть рыба в мире, где океаны много раз вскипали, испарялись и промерзли до самого дна.

Утром я записал и подытожил все, что мне довелось узнать за последнее время. Я говорю утром, хотя здесь уже не было ни утра, ни вечера, ни дня, ни ночи. Однако, я почти всерьез намеревался в ближайшем будущем снова зажечь солнце и отделить свет от тьмы.

СИГАРЕТА. В мире есть, по крайней мере, один мой сородич

ЗАКАЗЧИК МИРА УМЕР. Умер, но где-то могли остаться его чертежи, его замысел. Я перечитал это, и мне стало смешно. Я собирался искать замысел сотворения мира, который давно умер.

НАДПИСЬ НА СТЕНЕ люди не погибли вместе с миром, они куда-то ушли

СО СЛОВ СОСЕДЕЙ никто не видел, как люди покидали мир. Значит, они остались здесь. Но их здесь нет. Значит... значит...

Я не знал, что это значит.

Я подумал и на всякий случай записал еще одну строку:

ЭЛЕН

И тут же перечеркнул. Нет, Элен была слишком глубокой тайной, моей личной тайной, я не должен был с кем-то делиться ею.

Элен...

Скажу сразу: если вы думаете, что Элен была моей возлюбленной, вы глубоко ошибаетесь. Меня связывал с Элен совсем другое, а именно...

Стоп-стоп-стоп, никому ни слова.

СПИСОК ЮЖНЫХ РЫБ

Кобия

Дораду

Марлин

Ваху

Разобрав надпись до конца, я узнал кое-что еще. Я четко разобрал слово – Рот, но что это значило, я не понимал. Возможно, мне нужно было искать что-то во рту рыбы, и я уже представлял себе красивые сказки, как ключ от всех наших человеческих загадок упал на дно морское, его съела рыба, и теперь океан надежно хранит свою тайну и южную рыбу, которую я должен найти...

Все бы ничего, если бы южные рыбы не вымерли много веков назад – как и все прочие рыбы. Мне оставалось только надеяться, что я найду что-нибудь в музеях, если на умершей земле остались хоть какие-то музеи.

Если...

Этот мир тоже стоял здесь с самого своего сотворения. Но в отличие от нашей многострадальной вселенной у этого мира был хозяин, заказчик, у которого не кончились деньги в самый ответственный момент. Видно было, что создатель очень любил свой мир, берег его и заботился о нем. В этом мире вдоволь хватало тепла, хоть и не было солнца, в этом мире было вдоволь истинного знания – и не истинного тоже. Здесь и правда не было ни мора, ни глады, ни плача, и лев ложился с ягненком, и малое дитя вело их.

Я вошел в мир – и только сейчас понял, что не знаю его нравов и обычаев. На всякий случай я низко поклонился и сказал:

– Мир вам.

А Ши не ответил мне. Кажется, я сказал что-то совершенно неуместное здесь и сделал что-то еще более неуместное. Но я даже не знал, как попросить прощения.

– Этот мир и так наш с самого своего сотворения, – отозвался А Ши, – пойдем, милый сердцу друг, я покажу тебе, как прекрасен может быть мир, сотворённый по всем правилам.

Я кивнул. Раньше мне никогда не выпадала такая удача – чтобы хозяин сам рассказал мне про свой мир, да не какой-то там мир бесконечно далекий, бесконечно не похожий на нас, а схожий с нашим, такой, каким мог бы быть наш мир, если бы на него хватило материалов, и всего-всего-всего. Мне стало неловко за свой мир, такой убогий по сравнению с этим великолепием...

– Вот что бывает, когда создатель всерьез берется за мир, – сказал я.

– Здесь дело не только в создателе, – возразил мне А Ши, – мы и сами немало сделали, чтобы наш мир был таким.

– Неужели? – спросил я.

– Первый раз я видел мир, над которым трудились не только творцы, но и сами его обитатели. Я разглядывал любовно подобранные истины, истории любви и дружбы, я шел по миру бесконечного созидания, по истории, бесконечно рвущейся ввысь, без провалов и падений.

– Создатель велел нам заботиться о мире, достраивать его, – сказал А Ши.

Я задумался. Первый раз за все это время я подумал, а что если и нам тоже нужно было самим позаботиться о сотворении своего мира, что если создатель дал нам только кальку, чистый илст, который нужно было разлиновать и расписать – а мы веками строили храмы и жгли жертвенные костры, просили у Творца мира и достатка...

– Мы тоже должны были достраивать свой мир, – полусказал-полуспросил я.

– Разумеется, – если бы у А Ши была голова, он бы мне кивнул.

Я чувствовал, что мне становится все стыднее перед ним, и даже не столько перед ним, сколько перед самим собой и своим миром – который мы за миллионы лет так и не смогли довести до ума. Чтобы побороть смущение, я бережно взял в руки частицу абсолютной истины. Что-то насторожило меня в этой частице, и чем больше я на неё смотрел, тем больше настораживался, пока не спохватился, что...

Да.

Абсолютная истина идеально ложилась на мое сознание.

На мое.

Я стоял и думал, как истина другого мира может так идеально лечь на мое сознание. Потом я машинально взял еще один кусочек истины, какое-то открытие, и понял, что они тоже прекрасно подходят к моему сознанию.

– Откуда это у вас? – спросил я как можно непринужденнее.

А Ши забормотал что-то про то, как они построили мир сами, – но я уже чувствовал фальшь в его голосе.

– Откуда?

– Купили...

– У кого?

Я посмотрел на него так, что стало ясно – он скажет всё.

Всё.

– У строителей...

– Которые строили....?

– Ваш мир.

– С вами все ясно. И сколько вы успели... м-м-м... купить? – спросил я тоном, не терпящим возражений.

– Вот... и вот... и еще вот тут...

– Позвольте, я сам взгляну.

Я перебирал духовные скрепы, тайные знаки и значимые тайны, знаковые знаки и тайные таинства. То, что должно было быть в нашем мире, и то, чего там не было. То, что кто-то когда унес, пользуясь тем, что заказчик не следил за миром.

– Ты что? – ахнул А Ши, – заберешь... себе?

– Ну мы же не будем доводить дело до мирового суда? – спросил я.

А Ши забормотал что-то про сроки давности – я его не слушал. Я мало что понимал в законах, но на этот раз чувствовал – закон на моей стороне. Я собирал обломки мира, который так и не сложился, мира, который умер, толком не успев родиться.

И спрашивал себя – для чего.

Я сам не знал, зачем я это сделал. Я сидел и смотрел на захваченные мною сокровища, которые должны были принадлежать мне – абсолютное знание, любовь, истина, доброта – и думал, что мне со всем с этим делать в мире, которого больше нет.

– Ты все равно не сможешь применить их, добрый господин, – не унимался А Ши, – ведь твоего мира больше нет.

Если бы он не сказал этого, я бы, быть может, вернул бы его (мои) недостающие фрагменты мира. Но теперь во мне проснулся дух противоречий, и я твердо решил оставить свое себе.

Дух противоречий... да, он был почти у каждого представителя нашего вида, и если с нас требовали что-то, очень хотелось сделать наоборот, и если нам говорили – над нами находится небесная твердь, твердый купол, за пределы которого нельзя заглянуть – отчаянные головы готовили лестницу и ледоруб, а самые отчаянные головы уверяли, что нет никакого купола, а только бесконечная пустота с мириадами солнц такими же, как наше солнце.

Ну да.

– И что ты будешь делать со всем с этим, добрый господин? – не унимался А Ши.

Я не знал. Мало того, что я не знал, что я буду с этим делать, я не знал, что ответить ему.

– Мне еще южную рыбу искать, – огрызнулся я, – у неё во рту что-то.

– Так вот же южная рыба.

Я обернулся, чтобы сказать ему, что это не та южная рыба. Но сказал совсем другое.

– Но... здесь нет никакой рыбы.

– Да вот же. В небе.

В небе... вспомнилось что-то из Чуковского, давно забытое, рыбы по небу летают... нет, не так. Рыбы по полю гуляют, жабы по небу летают, прибежал медведь, и давай реветь, ку-ка-ре-ку... От нечего делать я шагнул к А Ши, чтобы посмотреть на летучую рыбу, но ничего не увидел в темноте звездного неба.

– Где же...

– Где всегда. Южная рыба...

Если бы у меня был лоб, я бы хлопнул себя по лбу. Южная рыба, ну конечно же, я искал её в южных морях и океанах, Южную рыбу, а она ждала меня на небе, Южная рыба, ждала там, где жила всегда...

– А где у неё рот? – спросил я.

И тут же сам догадался, ну конечно же, рот, рот рыбы, Фам Эль Хат, одинокая осенняя звезда...

– А там... кто-то живет?

А Ши не ответил мне, сгинул в темноте. Похоже, он и правда обиделся на меня, еще бы он после этого не обиделся. Я утешал себя тем, что на обиженных воду возят, но на душе у меня становилось все сквернее.

Фам Эль Хат... рот рыбы... а ведь я даже не спросил, сколько добираться до этого самого рта, может, считанные дни, а может, века.

– Там кто-нибудь живет? – спросил я.

– Да вроде как никто никогда не жил, – отозвался возница, который доставил меня сюда.

– А... транзитом кто-нибудь?

Возница посмотрел на меня, как на психа. Я сам смотрел на себя как на психа, я ехал в мир, в котором никто никогда не жил, я хотел найти там сам не знаю, что. Если бы меня кто-то спросил, что я ищу, я бы ответил – сигареты.

Сигареты...

– Вам куда? – спросил возница, – а, бэ, цэ?

– Цэ, – сказал я сам не знаю, зачем.

– Эль-Пи который?

Я не знал, что такое Эль-Пи, но на всякий случай ответил:

– Да.

Приближаясь, я послал запрос к этому самому Эль-Пи. На запрос никто не ответил – но это ничего не значило, в конце концов, они могли просто не обратить на меня внимания, не такой уж важной персоной я был.

– Всего вам хорошего, добрый господин, – сказал мне возница.

– И вам того же. Спасибо.

Я даже не попросил вернуться за мной. Я сам не знал, вернусь я или нет. Я остался один посреди бескрайней пустыни, разбавленной редкими холмами, и чем ближе я подходил к ним, тем больше таяла моя надежда, что они имели рукотворное происхождение. И чем дальше, тем больше убеждался я – людей здесь не было не только сейчас, но и в прошлом. Видите ли, мои сородичи не умели жить, не меняя мир, в котором жили. С самого начала мы оставляли после себя кострища, выжженные саванны, вырубленные леса, обглоданные кости мамонтов, вырытые горы, отвалы переработанной руды, ядерные пепелища и радугу нефтяных пленок на глади океанов. Здесь же не было ничего такого – первозданно чистая пустыня, насколько хватало глаз.

И все-таки я нашел. Нашел, когда догадался посмотреть за пределы трех измерений. Только тогда я понял, что стою на руинах города – когда-то большого и величественного, а теперь умершего бесповоротно. Не похоже было, чтобы город покинули его жители, и время источило стены и колонны – скорее, город был разрушен чьей-то могущественной рукой. Я почти готов был поверить, что вижу последствие побоища – страшного и беспощадного, но я не чувствовал флюидов смерти и боли. Скорее я видел последствия очередной технической революции, когда город, без которого люди раньше не могли обойтись, теперь стал не нужен, и оказался выброшен на свалку истории.

Я все еще надеялся, что этот город построили люди – или хотя бы те, чьими предками были люди. И мои надежды оправдались – когда я увидел в витрине россыпи сигарет, и даже остатки ценника, столько-то за штуку, и еще какие-то подписи, должно быть – лицам младше столько-то не продаем. Или наоборот – купи у нас четыре штуки, получи пятую в подарок. Или...

Неважно.

Я чувствовал, что люди – или то, что было людьми – где-то здесь, совсем рядом, стоит только посмотреть по измерениям чуть-чуть еще. Смотреть вглубь мне всегда было нелегко – но сейчас у меня не было выбора.

Я посмотрел вглубь – и почти сразу же увидел причудливые колонны, возвещавшие, что здесь был построен новый город. И опять же почти сразу же я увидел его, идущего среди колонн.

Кого его – я не знал, но бросился за ним, как ошпаренный, я просто не понимал, что делаю, первый раз за много лет... да каких там лет, веков – увидел себе подобного...

Уже не подобного...

И все-таки...

Он бросился ко мне. В какую-то минуту я был уверен, что он растерзает меня. Но он бросился ко мне совсем не для этого.

– Вы не Эш О? – спросил он.

– Э-э-э... нет.

– И никогда не были Эш О?

– Никогда. Но...

Я присмотрелся к нему как следует – и вздрогнул. В нем не было ничего человеческого – совсем, и чем больше я смотрел в его прошлое, чем больше я перебирал шаг за шагом его предков, – тем больше понимал, что в нем нет ни капли человеческой крови.

Совсем.

– Так что же вы... хотели? – спросил он.

Я в свою очередь тоже хотел ответить, что ошибся, перепутал его с кем-то другим, – но на свою беду присмотрелся к нему еще раз, увидел, что он сжимает в своих тонюсеньких лапках...

– Сигарета, – прошептал я.

– Что вы сказали, добрый господин?

– Сигарета.

– То есть?

– Сигарета... – не унимался я, снова и снова показывал на странный предмет, – сигарета...

– Что такое сигарета? – спросил он.

И тут у меня точно пелена упала с глаз. Я понял, как грубо заблуждался все это время. Я искал человека, потому что нашел предмет, похожий на сигарету, я на полном серьезе представлял себе человека, который курит сигареты, живого человека из плоти и крови, который подносит сигарету к губам, затягивается, тоже, наверное, вспоминает, как отец обещал губы отрезать и грозился, что заставит скурить все сигареты в пачке разом, или что там еще выдумывают.

Я представлял себе человека – каким он был миллионы лет назад. Человека из плоти и крови, человека с живыми влажными легкими и мягкими губами.

И я как будто совершенно забыл, что за миллионы лет человек просто не мог остаться прежним, что если и были еще где-то люди, они стали такими же, как я, если не изменились еще сильнее.

А я искал сигареты... и тех, кто курит сигареты.

Здесь нужно было повернуться и уйти, но я чувствовал, что не могу просто так встать и уйти, я проделал слишком долгий путь, чтобы вот так просто встать и уйти...

– Это же Рот Рыбы? – спросил я, – Фам Эль Хат?

– Он самый.

Я огляделся. Я смотрел на порталы, на дома, нужно было спросить еще что-то, я не знал, что...

– А... здесь кто живет?

– Здесь-то?

– Ну да...

– Да вроде заброшенный дом стоит...

– Заброшенный дом?

– Ну да.

– Заброшенный дом... от этих слов повеяло чем-то знакомым, до черта знакомым – моим заброшенным миром, отжившим свое давным-давно.

– А кто там раньше жил?

– Не продается он, добрый господин.

– Да понимаю, что не продается, а жил кто раньше?

– Да этот, как же его звали-то, добрый господин... он еще на старости лет мир решил смастерить... не сам, конечно, работникам заказал... потом то ли денег у него не хватило, то ли помер он, так и не доделал.

– А с миром что стало?

Добрый господин, кто же его знает, что стало? Далеко где-то мир был, ой, далеко-далеко. Да и не живут они, недостроенные миры... мрут...

Мысли заматались в голове часто-часто и быстро-быстро. Я говорил себе, что есть миллионы недостроенных миров, я приводил себе какие-то данные статистики, что только десять процентов из всех миров достраиваются до конца. Ноги уже сами несли меня к дому, в котором никто не жил.

– Постойте, а вы не Эш О случайно? – снова спросил дух.

– Ни в коей мере.

– И никогда им не были?

– Никогда-никогда. Всего вам хорошего.

– И вам того же, добрый господин.

Чем ближе я подходил к дому, тем меньше понимал, что, собственно, хочу там сделать. Даже если это будет тот самый дом, где жил наш создатель, не стану же я обыскивать дом вдоль и поперек в поисках чертежей, которых, быть может, уже и нет.

Да и вообще – как я собирался узнавать, чей это дом, моего создателя, или чей-то еще.

Чем ближе я подходил к дому, тем труднее было идти. То тут, то там попадались обломки космических челноков, спутников, капсул, остатки оружия, знакомого и незнакомого мне, пару раз я вздрагивал, потому что наступал на хрустящие остовы...

Остовы...

Странно, что я не сразу сообразил, что, собственно, я вижу. А я видел то, чего здесь не могло быть – просто не могло. Создавалось впечатление, что здесь не так давно разгорелась нешуточная битва, какой-то местный Армагеддон, в котором не осталось выживших. Я напрасно искал остатки другой армии, войска, с которым сражались люди – мне попадались только творения рук человеческих.

Человеческих...

Первый раз за века и века я нашел людей. Вернее, то, что когда-то было людьми.

Но, черт возьми, кто и когда уничтожил их... Я подумал, что люди сами истребили себя, в силу своей привычки разделившись на две армии, которые молились разным богам и ходили

под разными флагами. Но почти тут же я отогнал эту мысль, – нагромождение останков не было похоже на поле боя, такое впечатление, что людей уничтожили разом, всех.

Людей...

Давненько я не произносил этого слова – людей.

Когда я приблизился к дому, уже стемнело. Я снова спросил себя, что я хочу от этого дома – и снова не нашел ответа. Еще более странно было звонить в дверь дома, в котором, со слов соседей, никто не жил.

Каково же было мое удивление, когда дверь открылась. Я во все глаза смотрел на хозяина, но напрасно я искал в нем человеческие черты – их не было.

– Вечер добрый. Честное слово, не ждал никого в такой поздний час... Прошу прощения за беспорядок...

– Ничего страшного. Я ненадолго, – сказал я, хотя понятия не имел, сколько собираюсь у него пробыть, – я... по поводу мира.

– По поводу мира?

– Да... мира... который вы не достроили.

– Вы ошибаетесь, я не строил никакого мира. Ах да, совсем забыл предложить вам... м-м-м... что вы предпочитаете? Материю? Энергию? Информацию?

– Информацию.

– И... какую же именно?

– Насчет мира, который строил... – внезапно я догадался, – ваш отец.

Он нахмурился. То есть, образно говоря, нахмурился.

– Слышать ничего не хочу об этом мире!

– Но вы знали его?

– Он заговорил медленно, холодно, с расстановкой.

– Я... никогда... не видел... этот... мир... Я никогда... там... не был.

– Но ваш отец построил...

– Все, с меня хватит. Слышать ничего не хочу об этом!

Он показал мне на дверь – мне ничего не оставалось кроме как повернуться и уйти ни с чем, но все-таки я сделал последнюю попытку.

– Я... из этого мира. Я жил там.

– Там никто не жил! – он сорвался на крик, – там никто никогда не жил! Этот мир так и не был построен!

Он захлопнул дверь перед моим носом. Я стоял на улице, соображая, что мне делать дальше, да и что мне вообще остается делать кроме как пойти домой.

Домой...

Черт...

Я мысленно представил себе поколения и поколения себе подобных, с самого начала начал, когда мой предок первый раз поднял голову в ночное небо и посмотрел на звезды. То есть, это я образно говорю – поднял голову в небо и посмотрел на звезды. Никто уже не помнит, как это было, мы только представляли себе, что это было так – посмотрел на звезды и спросил себя, кто и зачем построил его мир.

Я говорю – представляли себе... Видите ли, наша история – удивительная вещь, мы никогда не можем быть уверены в том или ином факте. Нашему миру недодали истины и знания так сильно, что мы ничего не можем знать наверняка. Сходите в наше книгохранилище, возьмите десять книг по истории и получите десять разных мнений об одном и том же событии.

В одном я был уверен точно. Что века и века были люди, которые поднимали головы в небо. Смотрели. Спрашивали себя – кто и зачем построил наш мир. Охотник в саванне, одинокий путник в пустыне, отшельник в глухом лесу, ученый, осужденный за ересь, безумец,

стоящий на крыше небоскреба перед последним прыжком... Казалось, они смотрели на звезды, но нет, они смотрели на меня, они спрашивали меня, кто и зачем построил наш мир...

Я ждал. Это я мог. Ждать. Мы ждали миллионы лет, нам ничего не стоило подождать еще полчаса.

В доме погас свет – я выждал еще немного, когда все затихнет и уснет, а потом потихоньку пробрался к черному ходу. Я даже не спрашивал себя, что будет, когда меня застукают в чужом доме. Кажется, по теперешним законам меня уничтожат без суда и следствия.

Проникнуть в дом оказалось сложнее, чем я думал. О том, чтобы разбить окно или стену, не могло быть и речи. Подделка ключи и пароли тоже было сложновато. Я прикрыл свое сознание рекламным каталогом, осторожно протиснулся на почтовый ящик. Почтовик недоверчиво посмотрел на меня, бросил в письма с пометкой минус – то есть в те, которые скорее всего не нужны хозяину дома.

Теперь мне нужно было выбраться из писем, и как можно скорее – вряд ли ненужные письма хранились слишком долго. На мое счастье ящик был открыт – никому и в голову не могло прийти, что ненужные письма выберутся и пойдут разгуливать по всему дому.

И тем не менее. Ненужное письмо выбралось и пошло.

Я ходил по дому, открывая портал за порталом. Некоторые распахивались легко, некоторые приотворялись нехотя-нехотя, некоторые оказывались пустыми, мертвыми, давно отжившими свое.

Только сейчас я спохватился, что не оставил копию своего сознания. Совсем. Это было безумием, тем более для меня, который всегда бережно сохранял копии своей памяти, а то мало ли что.

Разумнее всего было выбраться из дома – пока цел. Но выбраться из дома было уже невозможно.

Я открыл еще один портал – он открылся далеко не сразу, видно было, что им давненько никто не пользовался. Это был добрый знак, возможно, я наконец-то найду здесь то, что искал...

Чертежи я увидел не сразу. Вернее, увидел, но не догадался, что это и есть чертежи. Повертел в руках, положил на место, прошел мимо. Только потом торкнуло что-то вернуться, пересмотреть, пролистать...

Я увидел Землю.

Вернее, нет, не землю. Землю, какой она могла бы быть, если бы у заказчика хватило денег, если бы у строителей хватило совести, если бы хватило материалов, если бы...

Я даже не сразу понял, сколько измерений должно было быть у нашей земли. Сначала я увидел девять, потом повертел чертеж и с трудом насчитал целых двадцать семь. Удивительно, как это ухитрились изобразить на четырехмерном чертеже – его явно рисовал не просто профессионал, а настоящий виртуоз.

Я листал мир.

Мир, каким он должен был быть. Дело оставалось за малым, ничтожно за малым – понять замысел, и...

И...

План вспыхнул у меня в руке и рассыпался в прах. Сначала я было подумал, что это я сам разрушил план – но тут же спохватился, обернулся, как раз вовремя, чтобы отскочить от хозяина дома, который уже готов был убить меня.

Да, сомнений не оставалось – он пришел убить меня...

Я вспоминал, когда мне последний раз приходилось драться – и не мог вспомнить. Я отбивался от него как мог, прекрасно понимая, что силы неравны. На мое счастье он тоже оказался не в лучшей форме, кажется, ему тоже долго не приходилось драться, – если вообще

приходилось когда-нибудь. Я не поверил себе, когда стиснул врага в оковах, когда скрутил врага приемом, выученным уже не помню где и у кого, загнал в клетку из дурных мыслей...

Первым желанием было уничтожить его. Совсем. Я боялся его, да, скажу честно – я боялся его. Да и то сказать, он был сильнее меня, много сильнее. Я слишком привык к тому, что никто не видел во мне опасного противника, никто не трогал меня, за тысячи лет я забыл, что значит драться...

Я потянулся к клетке, чтобы схлопнуть её.

– Пощадите, – прохрипел он.

Я догадался, что он тоже боится меня, возможно, даже переоценивает меня. И этим можно воспользоваться – пока он не понял, что я такое на самом деле.

– Вы убили этих людей... там... возле дома?

– Людей?

Я понял, что он не понимает, что такое люди.

– Этих существ... там...

– Да.

– Зачем?

Он передернул плечами, не все ли равно.

Я не отставал.

– Зачем... вы... их... убили?

– Их не должно было быть. Не должно.

– А кто вам дал право решать, кому быть, а кому нет?

– Это был мой мир.

Каким-то неясным чутьем я догадался, что передо мной сын того, кто когда-то заказал наш мир. Я уже хотел спросить его об этом, когда меня дернул черт посмотреть на него как следует.

Как следует...

– Элен, – сказал я.

Он не ответил мне. Но я уже знал, что не ошибся.

Я встретил Элен.

Элен...

Ну да, теперь мне придется все-таки рассказывать про Элен. Хочу я этого или не хочу, но мне придется рассказать про Элен.

Это случилось в тот день, когда...

Нет, так слишком банально.

Это произошло в день конца света, когда люди окончательно убедились в том, что их мир доживает последние дни...

И не так.

Тогда как же... думай, думай, говорил я себе, на то тебе и голова, чтобы думать, то есть, нет у тебя уже никакой головы, а все равно – думай.

Вспоминай.

Собственно, я начал вспоминать Элен еще когда пришел в старый наш мир (домой), еще когда бродил по мертвой пустыне, поднимался на холмы, гулял по берегам замерзших океанов, пытался найти места, где раньше были города – не мог.

Тогда я вспомнил, как шел по земле последний раз, и уже знал, что иду по земле последний раз, что этим же вечером меня на земле не будет. Это не значит, что я умру, вовсе нет, как раз наоборот – умрут те, которые останутся на планете.

Я это знал.

Собственно, это знали все, но никто не верил, читали газетные заголовки, посмеивались, кредитов нахватать надо, и побольше, все равно потом не отдавать. Снимали какие-то фильмы-однодневки, печатали какие-то книги-однодневки, отшельники уходили в леса, прятались в старых шахтах, на обложках глянцевого журналов печатали фотографии очередных звезд, купивших очередной бункер или очередной билет на очередной ковчег.

Для тех, кто не знает, что такое ковчег, придется провести экскурс в историю. Легенды говорят, что в стародавние времена жил некий праведный человек по имени Ной...

...впрочем, кто хочет, может и сам провести экскурс в историю. Скажу только, что мой отец упорно верил слухам. Он вообще всему верил, и когда к нему на улице подходили люди в белых одеждах и предлагали купить пропуск в загробную жизнь, мой отец не задумываясь отдавал всю зарплату, и даже залезал в долг. До сих пор вспоминаю наше обиталище в много-ярусной человеческой колонии, солнце, ползущее по половицам, звенящий крик матери:

– Ребенка на что кормить будешь?

– Да как ты не понимаешь, вечная жизнь же!

– Да нам бы хоть в этой жизни ноги не протянуть! Блин, говорили мне, на кой черт за него идешь...

Отец улыбался, подмигивал мне, потом сажал меня на колени, или поднимал над головой, а я расставлял руки, будто лечу, и отец говорил – в космос, пацан, полетишь...

– Полецу...

– У нас и билет есть, верно, Мирка?

– Е-е-еть...

Тогда я еще плохо мог говорить, говорил – е-е-еть.

– На другую планету полетим, шух-шух-шух...

– Ш-шух-х...

– А там чудища в лесу, а-р-р-р...

Отец делал вид, что он чудище, кидался на меня, я отбивался подушкой, мы возились на диване...

Мирка – это я.

А полное имя – Остромир.

Когда мне в то утро позвонил отец – я уже догадывался, зачем он звонит. Я уже чувствовал, что не сегодня-завтра начнется то страшное, чем пугали нас газеты, не сегодня-завтра замечутся магнитные полюса, солнечный ветер сметет с земли её воздушное покрывало, солнце, некогда такое ласковое, превратит зеленые холмы в раскаленную пустыню.

Когда отец позвонил мне... словом «позвонить» мы обозначали связь на расстоянии – не телепатическую, а некую другую, суть которой я объяснить не могу. Впрочем, это и не имеет значения.

– Ну чего, Мирка... беги, давай.

Я знал, в каком состоянии в последние годы находится отец. И все-таки спросил:

– А ты что же?

– Чего я, Мирка, сам же видишь, чего я...

Я почти не виделся с отцом последнее время – но все равно мне стало не по себе от одной мысли, что я вот так просто оставлю его и взойду на ковчег.

– Но...

– Чего но, не нокай, не запряг! Билет на кого? То-то же, и не думай даже... Зарезервировано все... пошел!

– Я только к тебе попро...

– Попрошались уже, и не вздумай даже, и на порог ты не пущу! Дуй давай!

Это означало – беги. Я побежал, конечно, не так, как бегают животные, перебирают ногами – я вышел на улицу, поймал такси, уже в такси спохватился, что не взял ничего из дома кроме документов, стал вспоминать какие-то тесты, Если бы вам пришлось покинуть землю навсегда, какие бы три предмета вы с собой взяли. Я не мог вспомнить, что отвечал, когда проходил такие тесты, да и вообще – кто сказал, что в ковчег можно было что-то принести с собой...

В ковчег...

Я ловил себя на том, что никогда раньше не видел ковчег – даже на экране телевизора. В отличие от кораблей спасения и бункеров про ковчег не говорили, не трезвонили на каждом углу – потому что опять же в отличие от мифических кораблей и бункеров ковчег был настоящим. О нем молчали – чтобы уберечь от обезумевшей толпы, которая будет рваться на борт, когда мир начнет трещать по швам.

Я представлял себе, как подъеду к стальной громадине ковчега, как поднимусь по трапу, как улыбочивая стюардесса проверит у меня документы и пожелает приятного полета, как я войду в свою каюту и пристегну ремни...

От этой мысли мне почему-то стало страшно, как перед кабинетом стоматолога. Кто не знает про стоматолога, тому поясню, что в те времена моя физическая оболочка была хрупкой и уязвимой, и когда её повреждали, я чувствовал это...

...впрочем, не о том речь.

Тем не менее, все оказалось совсем не так, как я думал. Машина затормозила перед высокой бетонной стеной, ворота которой были плотно закрыты. Я расплатился с водителем и пошел к воротам, подбирая слова, я не знал, как сказать – день добрый, я лечу в ковчеге, вот мой билет – или просто молча протянуть билет...

Ближе к воротам я выбрал второй вариант, просто молча протянул карточку с кораблем. Это была не та самая карточка, которую мне подарил отец когда-то давным-давно – от той уже ничего не осталось, еще в детстве я вырезал из неё корабль, чтобы летать на нем в космос.

Человек в форме посмотрел на мой билет, покачал головой.

– Не тот билет.

– Простите?

– Молодой человек, вы меня за идиота-то не держите, я что, не знаю, как билеты выглядят?

Мир перевернулся у меня под ногами.

– А... к-как?

– Обыкновенно, как... вон, на экран посмотрите...

Я посмотрел на экран, и чем больше я смотрел, тем больше понимал, что моего отца обманули, снова, в который раз, обманули ловко, хитро, а он и не догадывался, и я тем более не догадывался, и...

И...

– Слушайте, ну столько денег на билет потратил...

– И чего?

Я стоял у ворот и не знал, что делать дальше. Я чувствовал, что не могу просто так повернуться и уйти, и они не могут просто так не пустить меня, просто... потому что...

– Слушайте, а одного человека так просто возьмете?

– Еще тебе чего?

Я схватился за последнюю соломинку.

– А... в фильмах... людей вот так... пускали...

– Фильмов обсмотрелся?

Я не знал, что ответить. Я смотрел, как закрываются ворота, и надо было бежать, ломиться в эти ворота, молотить кулаками, пробиваться любой ценой, как в фильмах, там герой забирался в какие-нибудь подсобки, потом его оттуда всем ковчегом вытаскивали...

Кто-то мягко отодвинул меня, кто-то прошел вперед меня в ворота – у него, конечно же, был билет, настоящий билет, не поддельный билет, его, конечно, пропустят без проблем, не то, что меня – и мне уже захотелось кинуться к нему, потихоньку спросить, не найдется ли лишнего билетика...

А вдруг...

И только тогда я заметил, что он прошел без билета, вот так, вообще, и охранники ничего у него не спросили, вот так, ничего, совсем, и он прошел, человек как человек, каких миллионы, в кепке с надписью Элен, вот это я точно помню, надпись – Элен, хотя, быть может, там было написано что-то другое, а я прочитал – Элен.

Я метнулся было за ним – сам не знаю, чего ради, метнулся за ним, почти на полном серьезе хотел спросить, нет ли у него лишнего билетика. И только тогда я почувствовал исходящее от этого человека...

Нет, не запах, и не тепло, и ничего из известного мне тогда. Что-то другое, непонятное, едва ощутимое, воздействие какое-то, которому я пытался подобрать название – и не находил. Что-то другое не понравилось мне. И это что-то не дало мне прикоснуться к идущему, не дало мне тронуть его за плечо.

Он ушел.

Ворота захлопнулись.

Я стоял и думал, что мне делать дальше, что вообще делают в таких ситуациях. По сценарию я должен был любой ценой перебраться через ворота, любой ценой просочиться на ковчег, по ходу перестреляв целый полк охранников, а в последний момент...

Здесь было одно маленькое «Но». Все происходило не по сценарию фильма, а на самом деле.

Я чувствовал, как бесконечно далеко содрогается земля, я видел, как бесконечно далеко на горизонте взмывает в небо ослепительная серебряная стрела. Я видел, как стрела вспыхнула, рассыпалась на куски, на раскаленные осколки, упавшие незнамо где.

Я понимал, что это конец – конец всех наших надежд. Вряд ли мы смогли бы повторить что-то подобное сейчас, когда наша цивилизация доживала последние века.

Странно, что я ничего не чувствовал. Совсем. Ни горечи, что остался на Земле, ни отчаяния, что все наши надежды разрушились, ни радости, что я остался жив. Ничего. Совсем. Случилось слишком много всего, чтобы я мог что-то испытать. Видите ли, наш мозг был устроен так, что...

Впрочем, это не имеет значения. И так, я стоял и смотрел на огненные всполохи в небе, и надо было думать, что делать дальше, и не думалось, когда ворота снова открылись, и вышел человек в кепке Элен, и нужно было спросить его, почему он не улетел, и не спрашивалось, и сам не знаю, как до меня дошло, что...

– Это вы... сделали с Ковчегом? Что он...

Я не договорил. Я посмотрел на него, и понял – он. сам не знаю, что накатило на меня в эту минуту, даже не ярость, а не знаю, как сказать, я должен был убить его, потому что он убил их всех, потому что...

Потому что...

– Ты... ты что сделал, а?

Как со стороны я слышал свой голос, как со стороны я видел самого себя, бегущего за Элен (так я называл его про себя), видел, как он бежит к темному провалу у обочины шоссе, тогда я не думал, что это за провал, тогда я прыгнул туда вслед за своим врагом, навалился ему на спину, сжал тощее горло...

...Уже позднее, много веков спустя я обзавелся популярной тогда Книгой Жизни и в графе «мой первый полет в портале» написал:

Мой первый полет в портале состоялся совершенно случайно. Тогда я убил ту тварь, которая уничтожила наш ковчег, нашу последнюю надежду на спасение. В пылу борьбы (как коряво смотрится здесь эта избитая фраза) я бросился за ним в портал, где добил истекающего кровью (зачеркнуто, не было там никакой крови) умирающего врага. Конечно же, портал захлопнулся, и мне пришлось совершить малоприятный перелет. Я пришел в себя посреди зеленоватой пустыни, на горизонте которой виднелось что-то, в чем я угадал город. Там на меня обратили внимание местные стражи порядка. К счастью, встреча с ними не представляла для меня никакой опасности...

Обозначаю гипотенузу через а, два катета – через бэ и вэ.

Нет.

Не поймут.

Помечаю гипотенузу одной черточкой, первый катет – двумя, второй – тремя.

А вот дальше как прикажете объяснять, что такое квадрат, циферку два здесь не поймут...

– Вы еще долго мне будете гипотенузы писать?

– А... откуда вы русский язык знаете?

– Уберите это, уберите... меня в школе этим умучили... и вы еще тут...

Смущенно молчу.

– А у меня сахар есть, – говорит он, – вы едите сахар?

– Ем.

Стараюсь не вспоминать, что сахар – белая смерть, стараюсь забыть все запреты не грызть сахар, вытряхиваю из памяти суетливых родителей, да что ты сахар грызешь, вон, печеньку возьми...

Нет здесь печенек.

Нет...

Впрочем, запись про стражей порядка я оставил в другом разделе Книги Жизни. Уже позже, кое-как выучившись говорить на местном наречии Вечер добрый и Простите, я не местный, а также плести из тонких энергий сны на заказ (то была моя первая работа на чужбине), я попытался узнать что-нибудь про человека в кепке Элен – но, разумеется, никто ничего не знал...

– Элен, – повторил я.

– Элен? – переспросил он.

Я понял, что он даже не знает, почему я называю его Элен. Что я вообще называю его Элен...

– Вы тогда... убили ковчег.

– Да.

– Но...

– Пришли отомстить? Или хотите узнать – зачем?

– И так, и так, – ответил я.

– Смотрите, – кивнул Элен.

Я не понял его.

– К-куда... смотреть?

– Смотрите, – повторил Элен. Элен... я так и не знал, как его зовут на самом деле.

Наконец, я понял, куда нужно смотреть. На него. В его сознание, в его память, в письма, сохранившиеся в нем.

Друг мой, милый моему сердцу, ты спрашивал меня, где я пропадал так долго? – Охотно тебе отвечу, тем более, у нас нет друг от друга тайн. Да и теперь, наконец, я могу не делать тайны из того, что так терзало мою душу все это время. Наконец-то могу сбросить с себя груз тайны, отчасти постыдной, отчасти пугающей.

Эта история началась давно, так давно, что мне трудно вспомнить её подробности. Все началось с моего отца, который, разумеется, хотел воспитать из меня достойную душу, способную любить и сопереживать. На свою беду я рос существом эгоистичным, равнодушным к чужим сознаниям – и как ты знаешь, таким и остался. Только ты, друг милый сердцу, потянулся к самовлюбленному эгоисту и скрашиваешь мое одиночество.

А тогда, во времена моего детства, отец пытался пробудить во мне искру милосердия. Он задумал построить для меня мир – большой и красивый мир, и заселить его созданиями, о которых мне предстояло бы заботиться. Я всегда смотрел на замыслы отца со снисходительным молчанием, у меня были другие планы, я уже представлял себе, как буду устраивать в своем мире кровавые побоища, плести интриги, сжигать города катастрофами...

Я вздрогнул и посмотрел на Элен, или как его там звали.

– Так это вы все устроили? Последний день Помпеи? Вавилонское столпотворение? Хиросиму? А также Варфоломеевскую ночь? Сталинград?

Он холодно усмехнулся.

– Дальше читайте.

Я стал читать дальше, а что мне еще оставалось...

Однако, планам отца не суждено было сбыться – он умер, так и не достроив свой мир. Я знал, что где-то остался мир, наследником которого был я – но не спешил увидеть то, что принадлежало мне по праву. Мало-помалу я и вовсе забыл о том, что кто-то когда-то пытался создать для меня живую игрушку, но так и не доделал её, не заселил народами и городами.

Я вспомнил о мире случайно – в какую-то из годовщин смерти отца. Сам не знаю, зачем я отправился в заброшенную систему, туда, где меня никто не ждал, сам не знаю, что потянуло меня туда – быть может, ностальгические воспоминания.

Я ожидал увидеть печальные руины того, что могло быть миром – величественным и прекрасным. Каково же было мое удивление, когда я увидел совсем не то, что должно было быть в брошенном мире.

Собственно, этого и следовало ожидать. Мир, предоставленный сам себе, живет по своим неписанным законам, по законам, который он сам же и создал. Ничего удивительного в том, что мир рано или поздно порождает что-то, способное мыслить, что-то, способное посмотреть на мир и познать его. Должно быть, мир сотворил их, чтобы познать самого себя – впрочем, я переоцениваю возможности мира, ведь мир не может принимать решения сам. Скорее всего в каждом мире заложена программа, – оставшись один, порождай тех, кто способен познать тебя.

Должно быть...

Все-таки мало мы знаем про миры.

Поэтому неудивительно, что когда я пришел на заброшенный участок, моему взору предстали они – жуткие существа, порожденные хаосом, который воцарился в мире. Я прокручивал их историю – и в моем сознании не укладывалось, как, из чего, откуда могло появиться вот это, вышедшее из прибрежной грязи, из глины, выползшее из грязной воды, вдохнувшее обжигающий воздух заброшенной земли, как появилось вот это, хлипкое, влажное, поднявшееся на неуклюжие лапы и посмотревшее в звезды...

Тем не менее, они были. И тем не менее, они не только были, но и с минуты на минуту были готовы покинуть свое обиталище, устремиться к чужим неведомым мирам. Я понял, что явился сюда как нельзя кстати – чтобы предотвратить неизбежное, не дать этим тварям разползтись по всему миру...

Я не дочитал.

Мне было все ясно. Даже слишком ясно.

Элен презрительно посмотрел на меня:

– Это все, что вы хотели узнать?

– Боюсь, что да.

– У вас еще есть ко мне вопросы?

– Боюсь, что нет.

– Что же... разрешите пожелать вам всего хорошего.

– Спасибо, – я даже не смог ответить ему Вам также.

– Удачи вам в вашем... чем вы там занимаетесь, запомятовал... или ничем...

Я даже не ответил ему, чем я занимаюсь. Все это уже не имело значения, – здесь, сейчас. Хотелось бить кулаками в стены и пинать камни на дороге. Мир, на который мы возлагали столько надежд, оказался банальной игрушкой в руках двух безумцев – не более того.

Я направился домой. Первый раз за много веков я мог сказать себе – я направился домой. Даром, что от мира, который был нашим домом, почти ничего не осталось. Сначала мне захотелось поискать тайные порталы, которыми ходили последние люди с земли – но я тут же отогнал от себя эту мысль.

Когда я возвращался домой, водитель дважды переспросил адрес, и даже после этого то и дело поглядывал на меня косо, да не сошел ли я с ума. Я и сам готов был посмотреть на себя косо и спросить себя, не сошел ли я с ума.

Нет.

Я понял, чего мне так не хватало все эти годы. Возвращения домой.

– Приехали, добрый господин, – сказал шофер и покосился на меня.

– Большое спасибо.

Старый мир встретил меня тишиной – такой непривычной для этого мира, беспокойного с самого своего сотворения. Не шумели деревья, не ревели ящеры, не двигались континенты, не извергались вулканы, не умирали люди, сраженные в битве, не взрывались ракеты, не надрывались сигнализации машин, не звонили телефоны, не плакали дети.

Мир молчал.

Молчал уже миллионы лет. Я поднялся на крыльцо и открыл дверь своим ключом. В мире было холодно, что неудивительно – ведь солнца больше не было. Мне пришлось снова растопить камин в мире и ждать, пока прогреется хотя бы одна комната.

Я сел в своей комнатухе, предаваясь мечтам. Я представлял, как заново отстрою разрушенный мир. Я думал, как снова зажгу солнце, даром, что это невыгодно – разжигать солнце. Я поправлю перекрытия и настелю новые полы, я вставлю стекла и выложу из кирпичей новые стены. Я отделю воду земную от воды небесной и свет от тьмы, найду по оранжереям уцелевшие земные растения, почвы, плесень, грибы. Крупных животных, правда, не осталось, ну ничего, вроде есть где-то земные птицы, гады морские...

Я представлял себе, как найду людей. Неважно, что их давно уже нет, я найду людей – ведь кто-то же оставил недокуренную сигарету на столике. Найду людей, приведу в отстроенный мир, разведем огонь в камине, как в былые времена, будем добывать уголь и нефть, даром, что уже давным-давно нет ни того, ни другого, ничего, проживем как-нибудь на солнечной энергии, распашем поле, засеем чем-нибудь, чем засеивали раньше поля, даром, что нам, бесплотным, с электронными мозгами уже ничего этого не нужно...

В тот вечер у камина я на полном серьезе верил, что смогу восстановить мир, со всеми подробностями представлял себе новенький отремонтированный мир, засверкавший новыми красками.

К сожалению, моим мечтам не дано было сбыться...

Нет, не так нужно писать.

Я предавался своим мечтам, когда...

И не так.

Мои мечты были прерваны самым грубым образом..

И не так.

Я не знаю, как писать дальше. Меня охватывает ступор, как бывает всегда, когда нужно вспомнить очень неприятное событие. Память отказывается вспоминать, память упорно говорит мне – это не было, этого не могло быть, это было не со мной, не со мной, не со мной. Не было кольца, прижатого к моему виску, да нет, какого кольца, кольцами здесь не пользовались давным-давно, это было какое-то другое оружие, неведомое мне, но явно для меня опасное. Конечно, была надежда, что оружие не причинит мне вреда – в какую-то минуту я даже подумал, а что если испытать судьбу, сорваться с места, бежать, и пусть они стреляют, они не убьют меня из этого.. этого... Но нет, я не мог рисковать собой так опрометчиво.

Итак, я стоял посреди ледяной пустыни, не смея пошевелиться, а кто-то прижимал оружие к моему виску.

– Добрый вечер, – сказал я на всякий случай и опять же на всякий случай добавил, – рад вас... видеть.

Мне не ответили – хотя я говорил на языке мыслей. На меня набросили путы и поволокли меня куда-то по ледяной пустыне. Краем глаза я смог рассмотреть своих пленителей – никогда я раньше не видел ничего подобного, тщетно я пытался понять, от каких животных произошли эти существа, мохнатые, с белой шерстью, с длинными цепкими пальцами.

Меня привели в глубокий бункер, надежно спрятанный среди холмов – неудивительно, что я не заметил его раньше. Я снова попытался заговорить со своим конвоирами – но они сначала сделали вид, что не слышат моих сигналов, а потом и вовсе обмотали головы металлическими листами. Я первый раз видел такое отторжение, я понять не мог, чем заслужил такую ненависть с их стороны. Даже если я вторгся на их земли без их согласия, это не давало им права так поступать со мной.

Я прислушивался к обрывкам их фраз – я пытался понять их, и чем больше пытался, тем меньше понимал.

– Чужого взяли.

– Надо же, и полгода не прошло. Долгонько выслеживали.

– Да он знаете страшный какой...

– Что-то не вижу, чтобы он страшный был.

– Ага, он Тая чуть не убил, пока ловили...

– Чуть-чуть не считается... так говорите, оттуда?

Кто-то – должно быть, главный – показывает вверх, в потолок, догадываюсь, что имеет в виду не обшарпанный потолок бункера, а небо – там, высоко-высоко.

– Оттуда. Похоже, телепортироваться может... и еще много чего...

– Может, значит, и нас научит...

– Думаете, скажет?

– Заставим.

Наконец, я начал понимать, кого я вижу перед собой. Тех, кого я так жаждал и так боялся найти.

Тех...

Нет, об этом нужно писать не так, совсем не так.

Этот мир стоял со времен своего... нет, этот мир не стоял, этот мир несся в бесконечной карусели из ниоткуда в никуда, этот мир менялся – день за днем, час за часом, и менялись те, кто жил на нем. Мир бешено вращался, порываясь сбросить с себя своих обитателей – и последним приходилось выдумывать всё новые и новые уловки, чтобы удержаться. Мир наполнился обжигающим кислородом, чтобы сжечь тех, кто поселился в нем – но они научились вдыхать кислород. Мир осушал океаны – жители морей выходили на сушу. Мир наклонился, чтобы породить снег и холод – и мохнатые мамонты пошли по снегу, ища под сугробами зеленую поросль. Мир замерзал и вновь оттаивал – люди уходили в бункеры, люди прятались в подземельях, снова выбирались на поверхность земли во время оттепелей. Наконец, мир вспыхнул умирающим солнцем, опалил планеты и остыл навсегда. Как выжили тогдашние обитатели нашей земли, я не знал, какими они были тогда, я тоже не знал. Я видел далеких потомков тех, кто пережил взорвавшееся солнце и...

Нет.

Опять не так.

Как я вообще мог писать о том, чего не знаю. Повторю – нам недодали истинного знания, и мы ничего не могли сказать наверняка о своей истории, даже о тех событиях, которые пережили сами.

Ладно, не о том речь. Итак, я сидел связанный в своем мире, который в одночасье перестал быть моим. Я слышал, как поскрипывают и подрагивают перекрытия внизу старого мира, и думал, сколько еще простоит эта земля, которая никому не нужна – даже своему создателю.

Что-то подсказывало мне, что недолго.

Я обратился к тому, кого считал главным в компании моих пленителей:

– Вы знаете, что ваш мир находится в аварийном состоянии и может рухнуть в любой момент?

Я говорил с ним на его языке – но он не услышал меня или сделал вид, что не услышал. Он склонился над бумажной картой, он как будто не видел меня.

– Вы не слышите меня? Я человек... такой же... как вы...

Я не мог прочесть его мысли, но я понимал – он не верит мне.

– Мой генерал, срочное донесение, – еще один человек вошел в комнату, – они подтягиваются к нашим границам.

– Отлично... это будет последняя битва... скажите нашим, пусть готовят войска.

– Силы неравны, мой генерал.

– Чтоб я этого не слышал даже! Силы у него неравны... ну поди, сдайся им сразу же, чего медлишь-то? У нас козырь есть, а ты говоришь...

– Козырь?

– А это что, по-твоему? Кстати... допроси.

Он кивнул в мою сторону. Наконец-то на меня хоть кто-то обратил внимание. Я задумался, подбирая слова – никогда мне еще не было так трудно это делать.

– Господа, я очень рад встрече с себе подобными. Поверьте, я искал вас много лет. Я рад вам сообщить все, что мне известно, однако прежде всего замечу, что ваш мир трещит по швам. Нужно что-то делать, чтобы он не рухнул...

Человек слышал меня, я чувствовал, как подрагивают перепонки в его ушах – но делал вид, что не слышит. Он поволок меня в маленькую камеру, по пути я первый раз попробовал свои пути на прочность – они оказались прочнее, чем я думал.

– Господа, если вы и дальше собираетесь игнорировать меня, я ничего вам не скажу.

Однако, того, что случилось дальше, я не ожидал. Человек (я уже не сомневался, что имею дело с человеком) просто вскрыл мне память. Стыдно признаться, но я не ставил никаких защит на свою память, просто потому что не ожидал, что кто-то когда-то попытается взломать её. Повторяю, я слишком расслабился на Кафедре, в мире, не знавшем войн миллионы лет.

И вот теперь мою память открыли, как шкатулку без замка, равнодушно скопировали оттуда все и вся, даже воспоминания, в которых я стеснялся признаться самому себе. В том числе и воспоминания об Элен. И много о чем еще. Я смотрел, как мохнатые твари роются в моей памяти, хватают кусок за куском, сами не понимают, что они видят, ищут тайны каких-то сверхорудий и сверхспособностей, не находят. Кажется, они не замечали, как предательски трещит и покачивается мир, доживающий последние дни, и даже когда с крыши упала деревянная балка, и что-то загрохотало в водосточной трубе, последние обитатели мира не дрогнули.

– Ваш мир нуждается в ремонте, – настойчиво повторил я, – нужно что-то делать... немедленно. Хотя бы покинуть этот мир... я покажу вам, куда можно перебраться.

Они не слышали меня. Не хотели слышать. И я понял, что ничегошеньки с ними не сделаю. По крайней мере, я надеялся, что у них хватает ума поддерживать свой мир в более-менее прочном состоянии – но оглушительный грохот там, снаружи, возвестил мне, что я ошибся.

Человек, который вскрыл мою память, мрачно кивнул и сказал:

– Началось.

Что такое война, я знал не понаслышке – но слишком долго я жил в мире без войн, слишком долго я привыкал, что никто не будет бомбить мой дом и никто не убьет меня.

Слишком долго.

Я следил за человеком, который смотрел мою память. Я знал, что если он будет разбирать мою память слой за слоем, он увидит мое прошлое, то прошлое, которое было еще здесь, на земле, ходил по этим холмам, еще зеленым, смотрел на солнце, тогда еще было солнце. Он увидит, как я покидал землю, как вернулся снова, он поймет, он не сможет не понять, что я такой же как он...

На улице опять грохнуло. Еще и еще. Дрогнули стены бункера, я видел, как ползут трещины по потолку, слышал топот ног по лестницам там, наверху. Старый мир угрожающе заскрежетал и начал крениться – но люди как будто не замечали этого.

– Ну что у нас там? – генерал нетерпеливо посмотрел на человека, который изучал мою память.

– Время нужно...

– Какое к черту время, иди вон западникам скажи, что время тебе нужно, а пусть наступление отменят денька на два, пока Тук с памятью разберется!

– Тогда вот... Кажется, вот так он перемещается моментально...

– Очень хорошо. наших солдат научить сможете?

– наших солдат хоть бы научить воду за собой смывать...

– Р-разговорчики... сделаете?

– Сию минуту... вещь-то простенькая...

Мне стало не по себе. Я все еще не верил, что они собираются применить портацию – предельно простую и предельно опасную. Это было не просто невыносимо, это было...

– Вы сами не понимаете, что делаете, – попытался возразить я.

Они не слышали меня. Вернее, делали вид, что не слышат. Мир снова закачался, как подкошенный, жалобно заскрипел – война ответила ему двумя взрывами.

Тук хотел выйти из комнаты вслед за генералом – но что-то задержало его внимание, он снова наклонился над моей памятью. Я не мог следить за его мыслями, я следил за его глазами, я понимал, что он, наконец, увидел мое прошлое, наконец, он понял, кто я такой.

– Тук, вам особое приглашение нужно, или как?

Тук выбежал за дверь, я остался один. Один наедине с умирающим миром. Один наедине с войной, со своими мыслями. Я снова попробовал на прочность сковавшие меня путы – они чуть поддались, достаточно для того, чтобы вселить в меня надежду.

Я начал высвобождаться – под грохот орудий и скрежет старого мира. В какую-то минуту хитрые путы сковали меня еще сильнее – но я нашел в них слабинку, мне хватило бы её, чтобы выбраться. А выбираться нужно было поскорее, потому что стены бункера предательски трещали, готовые в любой момент обвалиться и похоронить меня под собой.

Проще всего было уйти в портал – и в то же время сложнее всего, я знал, что одного-двух порталов наш мир не выдержит. Поэтому для побега я выбрал самый простой способ – по коридорам и лестницам убежища, лишь время от времени проходя сквозь стены.

– Они наступают, мой генерал...

Я смотрел, как солдат говорит генералу, что армия проигрывает – и сам не знал, зачем я остановился возле генерала, что я хочу сказать ему, тем более, что тут вообще можно было говорить, и так уже было все понятно, я видел снежную пустыню, усеянную трупами, я видел Тука, вернее то, что было Туком, а теперь лежало с проломленным черепом на заляпанном кровью снегу. И, тем не менее, я еще надеялся что-то изменить, я как по воздуху шел к генералу, я хотел сказать ему, что...

Наши взгляды встретились.

Генерал показал на меня, дал короткую команду из глубины веков:

– Пли!

Он не договорил. Ему не дал договорить кто бы вы думали – сам мир, который наконец-то устал держаться непонятно за что и закачался, осел, обрушился сам на себя. Я видел, как падают перекрытия, как рушатся балки, как рушится мир, поднимая тучу пыли.

Я подхватил генерала, сам не знаю, зачем. Я все еще пытался спасти хоть что-то в этом погибающем мире, хотя уже понимал, что спасти нечего.

– Что... что вообще случилось-то?

– Мир рухнул... Он давно в аварийном состоянии был...

– Так что ж вы мне не сказали-то!

– Так я вам только об этом и говорил, вы меня не слушали!

Первый раз в жизни я ударил человека по лицу – даже и не хотел бить, как-то само собой получилось, что я его ударил, он даже не ответил мне. Мы цеплялись за обломки мира, летящего в бездну, падали вместе с тем, что было...

Нет.

Не так.

Об этом нужно было писать не так.

Этот мир стоял здесь с самого своего сотворения. Это был один из тех миров, которые нещадно разворовали прежде чем сдать заказчику – тем паче, что заказчик этого мира куда-то исчез. Тем не менее неожиданно сам для себя этот мир простоял какое-то время – он даже переживал недолгие взлеты и падения, пока не умер совсем. И даже мертвый он продолжал

держаться какое-то время, пока не одряхлел вконец. Мало-помалу время и непогода сделали свое дело, и мир рухнул в последнем сражении его последних обитателей...

Да.

Вот это будет подходящим концом для истории.

Но это еще не конец.

Стремительное падение прервалось – мне показалось, что мы разбились, но нет, мы зависли в воздухе, в пустоте, остановленные неведомой силой. Я не сразу понял, от кого исходит энергия, а когда почувствовал – недолгая радость сменилась ужасом.

– Элен, – прошептал я, – Элен...

– Живы остались? – прошептал знакомый голос.

– Немножко... вот что... там под обломками мира... люди...

– Сейчас, сейчас достану...

Я смотрел, как Элен вытаскивает из-под обломков солдат, оживляет, согревает, пытается как-то обустроить в рухнувшем мире. Я помогал ему чем мог, разбираю обломки, вытаскивал убитых, перевязывал раненых, спрашивал себя, что, собственно, происходит...

– Надо бы разжечь солнце, – сказал я ближе к вечеру.

– Не было такого в планах, – помотал головой Элен, перебирая чертежи.

– А что было?

– Разберемся... я сам тут мало что понимаю. Кстати... вы у нас кем работаете?

– Конструктором был.

– Отлично. Поможете мне... разобраться.

Я даже не возразил ему, что я совсем не такой конструктор, который разбирается в мирах. Здесь это уже не имело значения. Здесь и сейчас ничего не имело значения, я даже не стал спрашивать, нужно ли убрать обломки рухнувшего мира, или мы будем строить прямо из них. Я растопил огонь в очаге, а Элен вытащил из обломков треснувшую луну, стряхнул с неё пыль и повесил над нами.

2015 г.

Молчит океан

Океан молчит.

Беззвучно перекачиваются волны, не слышно их шума.

Этот океан всегда молчит. Из него не выжмешь ни слова, он все свои слова держит в себе, вон они, лежат на дне, поблескивают разноцветными всполохами. Перекачиваются друг через друга, плещутся мегабайты, гигабайты, терабайты информации.

Поисковое судно «Касперский» рассекает волны, скользит по тонкой сети. «Касперский»... Клик уже в который раз думает, давно надо было судно переименовать. Раньше на нем пограничники плавали, вот и назвали в честь какого-то древнего борца с нечистью...

– Стоп машина!

Клик смотрит, как матросы переключают клавиши под окрики капитана, как тормозит «Касперский» до двухсот узлов, тьфу, двухсот гигабайт в секунду. Замедляется, плавно дрейфует по волнам.

Клик смотрит в пучину. Отсюда ничего не видно за избытком данных, рекламы, спама, отживших своё новостей...

– Погружа-ай!

Готовят батискаф. Хороший батискаф от Самсунг, хотя начинка, говорят, китайская. Ну да ничего, китайская тоже хорошая бывает. Иногда.

Клик вслед за остальными ловцами забирается в батискаф. Захватывает дух, когда поисковик падает с борта «Касперского» в бездну Сети.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.